

Секция 2 ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ИЛИ «НОВАЯ ЭТИКА» ЗАПАДА (ИДЕОЛОГИИ, ЦЕННОСТИ, НОРМЫ И ПРАВСТВЕННОСТЬ В СУДЬБЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА)? КАКОВ БАЛАНС СИЛ?

10 июня 2022 г. Научная библиотека им. Д. А. Гранина СПбГУП

Руководители секции:

- А. А. ГУСЕЙНОВ директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Е. И. МАКАРОВ заместитель председателя ФНПР, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП, почетный профессор СПбГУП
- Ж. Т. ТОЩЕНКО главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, председатель Международного редсовета журнала РАН «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

ДОКЛАДЫ

А. В. Агошков¹

СВЯЩЕННО ЛИ ПРАВО ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ? (О правовом регулировании деятельности транснациональных корпораций)

Тема правового регулирования деятельности транснациональных корпораций (ТНК) достаточно освещена в отечественной литературе и содержит весь спектр ее неоднозначных оценок. С одной стороны, сторонники ТНК пишут о социальном значении их работы (создание рабочих мест, насыщение товарного рынка и пр.), чему зачастую препятствуют «бюрократизм» и «протекционизм» государственных и общественных организаций. С другой — проблема злоупотреблений трансграничных корпоративных групп (сверхэксплуатация, уход от налогов, хищническое отноше-

ние к окружающей среде и пр.) показывает, что свободе деятельности ТНК должны быть положены вполне определенные и справедливые пределы.

Известно, что значительная часть норм, регулирующих деятельность корпораций, имеет частно-правовой характер, хотя используются и публично-правовые методы, характерные для предпринимательского права; методология корпоративного права носит диспозитивно-императивный характер.

В последние несколько лет появились публикации, авторы которых анализируют опыт регулирования корпоративных отношений с помощью норм международного публичного права. (См., например, работы Е. А. Аристовой², В. А. Филипенко³, И. С. Шитки-

¹ Главный научный редактор издательского дома «Панорама», кандидат философских наук. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч.: «Свобода в истории европейской цивилизации. Размышления о свободе и справедливости» (в соавт.), «Патриотизм и интернационализм: к вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов в международном левом движении» (в соавт.), «Модернизация России — социальное измерение» (в соавт.), «Справедливость как высший закон? Социогуманитарно-экономические этюды из истории культуры России», «Диалог культур прошлого и будущего: „экономический век“ и „общинный социализм“», «Социальная справедливость как ценность культуры» и др.

² Аристова Е. А. Правовое регулирование ответственности трансграничных корпоративных групп нормами международного публичного права // Вестн. Пермского ун-та. Юрид. науки. 2012. Вып. 4 (18). С. 210–222.

³ Филипенко В. А. Soft law: сущность и отражение в корпоративных правоотношениях // Вопросы российской юстиции. 2021. № 11. С. 281–293.

ной¹.) Они указывают, что деятельность корпораций в различной мере подпадает под действие норм международного публичного права, а также наднационального права. Международное публичное право в сфере экономики (международное экономическое право) не регулирует напрямую деятельность корпораций, однако влияет на формирование национальной (внутригосударственной) системы права, в том числе через функционирование неправительственных организаций и различных международных объединений. Оно устанавливает наиболее общие принципы экономической деятельности, например неотъемлемый суверенитет государств над национальными богатствами и ресурсами; свободу выбора формы организации внешнеэкономических связей; экономической недискриминации; равенства и взаимной выгоды и пр.²

Среди основополагающих документов международного экономического права можно назвать Женевские принципы, принятые на первой Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) в Женеве в 1964 году («Принципы, определяющие международные торговые отношения и торговую политику, способствующие развитию»), Декларацию о принципах международного права, принятую Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 года, Декларацию об установлении нового международного экономического порядка (НМЭП) и Хартию экономических прав и обязанностей государств, принятые в форме резолюций Генеральной Ассамблеи ООН в 1974 году, Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН «О международной экономической безопасности» (1985) и многие другие акты³.

Несмотря на общий характер данных принципов, отдельные исследователи указывают на действия, связанные с регулированием деятельности корпораций через применение публичных международно-правовых норм. Е. А. Аристова, опираясь на работы американских ученых Стивена Ратнера (Steven Ratner) и Джордана Поста (Jordan Paust), «отмечает, что международное право уже признает обязанности иных субъектов, нежели государство, нести ответственность за военные преступления, геноцид, преступления против человечества, применение пыток, использование рабского труда... Единственная причина, по которой международное право до сих пор сфокусировано на ответственности государств, заключается в нежелании правительств наделить корпоративные группы способностью нести ответственность на международном уровне. Профессор права в Университете Хьюстона Джордан Пост (Jordan Paust) в подтверждение концепции анализирует обширную судебную практику США привлечения юридических лиц и негосударственных организаций к ответственности за совершение международных преступлений...»⁴.

¹ Шиткина И. С. Корпоративное право России: состояние и вектор развития // Вестн. Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2017. № 4. С. 24.

² См.: Шевченко Б. И. Международные бизнес. М., 2017. С. 92.

³ См.: Чернявский А. Г., Синяева Н. А., Самодуров Д. И. Международное право. М., 2020.

⁴ Аристова Е. А. Указ. соч. С. 213.

Помимо наиболее общих норм, содержащихся во Всеобщей декларации прав человека (1948), Международном пакте о гражданских и политических правах и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (1966), которые включают нормы о признании обязанностей частных лиц, автор упоминает о различных кодексах корпоративного поведения. Наиболее универсальными из них являются Декларация о международных инвестициях и международных предприятиях, включающая Руководящие принципы ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) для многонациональных предприятий (далее — Руководящие принципы ОЭСР), пересмотренные в 2000 и 2011 годах, а также Основы ООН (UN Framework) по вопросам транснациональных корпораций и прав человека, одобренные Советом ООН по правам человека в 2008 году, — программные документы, исполнение которых добровольно. Подчеркивается, что на момент проведения исследования практическая ценность этих актов считалась невысокой, поэтому полноценным источником права они не стали. Тем не менее в случае их закрепления в рамках национального законодательства стран — членов ООН и внутренних нормативных актов корпораций данные принципы имеют значительный потенциал по улучшению имиджа корпораций в целом и трансграничных в частности.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что соответствие национального и корпоративного права нормам международного экономического права является условием не только эффективного правового регулирования деятельности ТНК, но и улучшения (социального) имиджа корпораций в целом.

Очевидно, что ключевым нормативным актом любой национальной правовой системы является Основной закон — Конституция (или, как в случае Великобритании, свод исторических документов и норм). Конституционные нормы, касающиеся как основ экономической жизни, так и собственно деятельности корпораций (имущественных прав, организационно-управленческих отношений и пр.), выступают основным источником правового регулирования деятельности ТНК и хозяйственных корпораций в целом. Даже краткий анализ текстов конституций иностранных государств показывает, что многие из них прямо указывают на необходимость ограничения эгоистических действий хозяйствующих субъектов правилом учета и соблюдения общего блага. Статья 14 (п. 2) Конституции ФРГ гласит: «Собственность обязывает. Пользование ею должно одновременно служить общему благу»⁵. (Данная норма перешла в действующий Основной закон из Конституции Веймарской республики.) Пункт 3 той же статьи гласит: «Отчуждение собственности допускается только в целях общего блага. Оно может производиться только по закону или на основании закона,

⁵ Основной закон Федеративной Республики Германия // Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты : пер. с нем. / под ред. Ю. П. Урьеса. М. : Прогресс, 1991. (Приводится по: Конституции государств Европейского союза / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М. : ИНФРА-М — Норма, 1997. С. 181–234. URL: <http://lawyers-ssu.narod.ru/subjects/constz/germany.htm#01.02.00.00.00.00.00.00> (дата обращения: 01.05.2022).)

регулирующего характер и размеры возмещения. Возмещение определяется со справедливым учетом интересов общества и затронутых лиц». Таким образом, на высшем правовом и политическом уровне государства установлено (именно установлено, а не допускается! Обратим внимание на императивность данной нормы): если собственность служит только умножению капитала, значит, она используется *не по назначению*.

Преамбула действующей Конституции Французской Республики (инкорпорирована в действующий Основной закон из текста Конституции 1946 г.) гласит: «Всякое имущество, всякое предприятие, эксплуатация которого имеет или приобретает черты национальной общественной службы или фактической монополии, должно стать коллективной собственностью»¹. Статьи 41–42 Конституции Итальянской Республики содержат схожие нормы: «Частная хозяйственная инициатива свободна. Она не может осуществляться в противоречии с общественной пользой или с ущербом для безопасности, свободы, человеческого достоинства. <...> В предусмотренных законом случаях частная собственность может быть отчуждена в общих интересах при условии выплаты компенсации»². Таким образом, законодатели трех экономически развитых государств, формально считающихся капиталистическими, указывают на необходимость и законность применения норм публичного права для деятельности хозяйственных корпораций. (Практика применения этих норм составляет тему отдельного исследования.)

Конституция России подобных норм не содержит. В ней есть ст. 36, п. 2 («Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц») и ст. 75.1 («В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита досто-

инства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность»), содержащие перечень наиболее общих принципов хозяйственной деятельности³. О возможности отчуждения собственности у недобросовестного владельца, равно как в целом о регулировании процесса учреждения, функционирования и ликвидации хозяйственных корпораций, здесь не сказано.

Специфика отечественной ситуации такова, что взаимодействие и сближение норм публичного и частного права имеют место в процессе правоприменения. Подтверждением этому, равно как и превалированию в правоприменении общих, межотраслевых начал, по мнению В. В. Долинской, служит то, что трактовка принципа добросовестности «в гражданском праве соответствует нормам международного права (например, ст. 17 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ЕТС № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) и Конституции РФ (ч. 3 ст. 17), а также пересекается с нормами иных отраслевых кодифицированных актов (например, ст. 111 АПК)»⁴.

Таким образом, вследствие толкования Конституционным Судом РФ понятия «добросовестности/недобросовестности» в деле о налоговых отношениях⁵ право публичное обогатило частное, а значение и смысл принципа добросовестности получили *высокую оценку* в качестве способа обеспечения справедливого баланса прав и законных интересов сторон — ключевой цели правового регулирования.

Думается, если бы Конституция России содержала исчерпывающие легальные определения основных принципов экономической деятельности (того же принципа добросовестности/недобросовестности), процесс гармонизации международного экономического и гражданского (в том числе корпоративного) права России получил бы необходимое правовое и политическое основание.

¹ Конституция Французской Республики от 4 октября 1958 г. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/konstitutsii-mira/konstitutsiya-frantsii-1946-goda-chitat-skachat-konstitutsiyu-frantsii-1946-goda.html> (дата обращения: 01.05.2022). В некоторых переводах понятие «коллективная собственность» приведено иначе — «собственность общества».

² Конституция Итальянской Республики / пер. с итал. Л. П. Гринберга // Конституции государств Европейского союза / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М.: Издат. группа ИНФРА-М — Норма, 1997. С. 423–450. URL: <http://lawyers-ssu.narod.ru/subjects/constz/italy.htm#01.02.03.00.00.00.00.00> (дата обращения: 01.05.2022).

³ См.: Конституция РФ. URL: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/> (дата обращения: 01.05.2022).

⁴ Долинская В. В. Взаимодействие частного и публичного права как системное направление развития // Вестн. Московского гос. обл. ун-та. Сер. «Юриспруденция». 2020. № 1. С. 7–19.

⁵ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 12 октября 1998 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. „Об основах налоговой системы в Российской Федерации“» // СЗ РФ. 1998. № 42. Ст. 5211.